

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985. [Boguslavsky I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Studies in syntactic semantics: Spheres of logical words]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Л. Иомдин, Б. Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л, Иомдин. Б. Л. Отрицание и валентности в русском языке (по корпусным данным) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2013». СПб: Издательство СПбГУ, 2013. С. 281—291. [Iomdin L. L, Iomdin. B. L. Negation and valencies in Russian (a corpus-based study). *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2013»*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. Pp. 281—291.]
- Падучева 1969 — Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12. С. 5—35. [Paducheva E. V. Semantic analysis of negative sentences in Russian. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. 1969. No. 12. Pp. 5—35.]
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. [Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for a transformational grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1974.]

F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (eds). Borrowed morphology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. vi + 310 p. (Language contact and bilingualism. Vol. 8.) ISBN 978-1-61451-556-2.

Наталья Марковна Стойнова

Natal'ya M. Stoinova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

stoinova@yandex.ru

stoinova@yandex.ru

Рецензируемый сборник посвящен проблематике морфологических заимствований: известно, что если лексика (по крайней мере, некоторая ее часть) заимствуется из языка в язык легко и повсеместно, то заимствования в области деривационных показателей и особенно словоизменения — явление более редкое и требующее особого объяснения. Примеры подобных заимствований и стоящие за ними механизмы с разных точек зрения обсуждаются в настоящем сборнике.

Открывает его большая вводная статья, написанная редакторами сборника. Статья содержит, в частности, подробнейший обзор работ о морфологических заимствованиях, а также о заимствованиях и языковых контактах в целом. Библиографический список к ней включает около ста пунктов — от общих исследований классиков, таких как Боас, Сепир, Мейе, Якобсон, Трубецкой, до очень частных работ, описывающих конкретные случаи морфологического заимствования, опубликованных в труднодоступных изданиях. В начале статьи редакторы формулируют основные задачи, стоявшие перед ними при подготовке сборника. Они отмечают, что к настоящему моменту накоплено достаточно много разрозненных эмпирических наблюдений о заимствованиях в области морфологии, при этом глобальных обобщений, позволяющих объединить все эти наблюдения в стройную систему, по-прежнему недостает.

Основной своей целью редакторы и авторы сборника видят, таким образом, интеграцию имеющихся эмпирических данных и их глобальную ревизию с общетеоретических позиций. Формат сборника самодостаточных статей отчасти упрощает эту задачу. В частности, он позволяет привлечь максимум разнообразных методов, точек зрения и подходов к одному и тому же или сопоставимым предметам. Соответственно, сборник содержит статьи

более абстрактного характера и анализ конкретного материала; статьи в жанре «case study» и обобщающие типологические статьи; статьи, привлекающие в качестве вспомогательных экстралингвистические данные (социокультурную информацию, результаты генетических исследований), и статьи, апеллирующие в большей степени к структурным свойствам контактирующих языков. С другой стороны, тот же формат отдельных статей задачу отчасти и усложняет, так как создает опасность не достичь желаемого уровня единого теоретического обобщения, оставшись на уровне несвязанных ярких наблюдений.

В данном случае этого, однако, не происходит, во многом как раз благодаря вводной статье, создающей единую теоретическую канву, в которую встраиваются отдельные статьи сборника, в том числе и самые эмпирически ориентированные. Редакторы последовательно перечисляют все самые глобальные вопросы, возникающие при исследовании морфологических заимствований: чем они отличаются от лексических и чем различаются между собой; предполагают ли какие-то особые социолингвистические условия; есть ли структурные предпосылки, облегчающие или усложняющие морфологическое заимствование; какого рода морфологический материал заимствуется легче (и чаще), а какой сложнее (и реже), и под. После этого читателю предлагается краткое изложение тех ответов, которые на данный момент имеются у разных лингвистов. Обсуждается, в частности, общее представление о морфологических заимствованиях, введенное У. Вайнрайхом, а также базовое разделение морфологических заимствований на *matter-borrowing* (MAT-borrowing) (заимствование формы) vs. *pattern-borrowing* (PAT-borrowing) (заимствование модели, кальки), в терминологии Я. Матраса и Ж. Сакель. В рамках PAT-borrowing упоминается также так называемая *gripica grammaticalization* (или контактно-обусловленная грамматикализация), обсуждаемая в рамках понятийного аппарата теории грамматикализации, например, Б. Хайне и Т. Кутевой. Отдельно рассматриваются теории Ф. Гардани, К. Майерс-Скоттон и Я. Матраса, описывающие и объясняющие разную степень «доступности для заимствования» в разных фрагментах морфологии — в частности, словоизменения / словообразования и семантических / синтаксических словоизменительных категорий (*inherent / contextual inflection*). Обсуждается также граница между «радикальным заимствованием» и образованием нового языка, а также принципы, разработанные специалистами по контактному языку, которые могут быть обобщены и на случаи заимствования (например, понятие *relabelling*, применяемое в креолистике К. Лефевр). Отдельно упоминается проблема интерпретации эмпирических наблюдений о морфологическом сходстве двух языков: в каком случае можно предполагать заимствование, а в каком генетическое родство. Все эти вопросы под разными углами и на разном материале ставятся и в остальных статьях, входящих в настоящий сборник.

Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются теоретические проблемы, связанные с морфологическими заимствованиями, второй посвящен заимствованиям в области деривационной морфологии, третий — заимствованиям в области словоизменения.

Первый раздел сборника, теоретический, составляют две статьи. Цель статьи С. Томасон («When is the diffusion of inflectional morphology not dispreferred?») — подвергнуть сомнению представление о том, что заимствование словоизменительной морфологии относится к разряду экзотических явлений. В статье обсуждаются социолингвистические ситуации, при которых контактно-обусловленное изменение в морфологической системе не только не редкость, но и вполне ожидаемое событие. Это, в первую очередь, ситуация интенсивного контакта между двумя близкородственными языками или диалектами одного языка. В статье обсуждаются также случаи, когда языки не родственны, но обладают достаточной «типологической близостью», чтобы с легкостью допускать заимствование морфологии. Другой случай (который, впрочем, по замечанию автора, нельзя назвать заимствованием в узком смысле слова) — ситуация языкового сдвига, когда носители, переходя на новый язык, добавляют в него некоторые черты прежнего, в том числе морфологические, так называемая «интерференция, обусловленная языковым сдвигом». Наконец, самый

необычный и редкий, но тем не менее зафиксированный в языках мира случай — это случай «сознательного морфологического изменения», в ситуации, например, когда у языкового сообщества есть цель намеренно противопоставить свой идиом некоторому близкородственному. Во всех перечисленных ситуациях может заимствоваться как сам языковой материал (MAT-borrowing по [Sakel 2007]), так и только соответствующая «модель» (PAT-borrowing).

Статья Я. Матраса (с симметричным предыдущей названием «Why is the borrowing of inflectional morphology dispreferred?») отвечает на отчасти противоположный вопрос: почему, тем не менее, заимствование словоизменения встречается значительно реже, чем заимствование словообразования и тем более лексем. Автор подходит к этому вопросу не с точки зрения языковой структуры, а с точки зрения употребления: такой подход к заимствованиям он называет ориентированным на говорящего. Суть подхода в том, что заимствование для говорящего-билингва свидетельствует о его готовности в определенном месте стереть границу между кодами (которые в принципе используются им в разных ситуациях, связаны с разным опытом и в норме не должны смешиваться), см. [Matras 2009]. При этом морфологию, и в особенности словоизменение, которое организует всю структуру предложения, по мнению автора, говорящий в большей степени считает принадлежностью того или иного языка, чем лексику, то есть в этом месте граница оказывается менее «проходимой». При этом, как и С. Томасон, Я. Матрас рассматривает условия, позволяющие обойти эту границу, — также апеллирующие к позиции говорящего-билингва. Так, он приводит примеры заимствования словоизменительной морфологии, при котором исходно словоизменительный показатель реинтерпретируется как деривационный (и, таким образом, соответствующее ограничение с него снимается), а также предсказывает (ср. с предыдущей статьёй), что с большей легкостью должно происходить заимствование модели (PAT-borrowing), чем заимствование собственно языкового материала, поскольку такое заимствование не осознается говорящими как нарушающее межъязыковую границу. Облегчается заимствование и в случаях, когда в языке-реципиенте уже есть морфологический показатель, формально схожий с заимствуемым и близкий по значению (так называемая «межъязыковая морфологическая аналогия»). Кроме того, ограничения на заимствования не действуют, если заимствованная морфология оформляет заимствованные же основы (это тоже объясняется через употребление: так называемое «морфологическое обособление»).

Второй раздел сборника, в котором рассматриваются случаи заимствования деривационных показателей, включает три статьи. Заимствование деривационной морфологии — наиболее частотный и наиболее исследованный тип морфологического заимствования. Вследствие этого данный раздел сборника посвящен не просто частным случаям заимствования деривации, а самым необычным из них или представляющим интерес в более широкой перспективе.

В статье Э. Когил («Borrowing of verbal derivational morphology between Semitic languages: The case of Arabic verb derivations in Neo-Aramaic») опыт исследования заимствования показателей «европейского типа» переносится на материал семитских языков, в которых деривационная морфология представлена не аффиксами, а разными огласовками корня: автор рассматривает судьбу арабских деривационных морфем в ново-арамейских языках.

В статье М. Багриачика, А. Ралли и Д. Мелисаропулу («Borrowing verbs from Oghuz Turkic: Two linguistic areas») стратегия оформления тюркских (огузских) глагольных заимствований рассматривается как диагностический признак, позволяющий противопоставить два лингвистических ареала — Балканы и запад Малой Азии vs. восток Малой Азии, Кавказ и Средняя Азия. В первом тюркский глагол оформляется тюркским же суффиксом прошедшего времени (indirect insertion по [Wohlgemuth 2008]), а во втором — эвиденциальным суффиксом и вспомогательным глаголом (indirect insertion + light verb по [Wohlgemuth 2008]).

М. Роббетс в своей статье («Common denominal verbalizers in the Transeurasian languages: Borrowed or inherited?») ищет разумный компромисс между двумя крайними позициями: всякое видимое сходство морфологического материала считать поводом для установления языкового родства или, наоборот, на волне увлечения темой морфологических

заимствований видеть их там, где для этого нет реальных оснований. Проблема исследуется на материале вербализаторов в алтайских (или трансевразийских в терминологии автора) языках — макрообъединении языков, о взаимном родстве которых до сих пор идут споры. Автор рассматривает целый ряд разного рода критериев, по которым можно оценить, имеем ли мы дело с заимствованием, и приходит к выводу о большей вероятности наследования соответствующих морфем из общего языка-предка, нежели их заимствования.

Третий раздел сборника, посвященный заимствованию словоизменения, по объему превосходит два предыдущих: он состоит из пяти статей. Это само по себе примечательно, поскольку словоизменительная морфология подвергается заимствованию с большим трудом, чем деривационная. Видимо, поэтому как раз такие, наиболее экзотические, случаи привлекают особое внимание авторов сборника. Также бросается в глаза и кажется неслучайным тот факт, что в четырех статьях из пяти описываются языки с очень нетривиальным социолингвистическим статусом. Ламунхинский говор эвенского языка, рассматриваемый в статье Б. Пакендорф, подвергался и подвергается сильному влиянию якутского языка, причем привлекаемые автором генетические данные свидетельствуют о длительной традиции браков между эвенскими женщинами и якутскими мужчинами (но не наоборот). Австралийский язык криол-гуринди характеризуется в статье Ф. Микинз как смешанный язык на основе гуринди (пама-ньюнга), откуда берется большая часть именной морфологии, и криола (креол на основе английского языка), откуда берется большая часть глагольной морфологии. В статье Дж. Клэнси Клементса и А. Луиш описывается креольский язык — индо-португальский креол дер. Корлаи, интересный, помимо прочего, еще и долгой социолингвистической изоляцией, обусловленной причинами религиозного и географического характера. Аравакский язык мохеньо из статьи Ф. Роз использовался в XVII—XVIII вв. как лингва франка (*lingua general*) иезуитских миссий.

Сквозной темой «словоизменительного» раздела сборника оказывается, таким образом, вопрос о роли структурных vs. социолингвистических факторов при заимствовании морфологии (см. [Field 2002]).

Б. Пакендорф (статья «A comparison of copied morphemes in Sakha (Yakut) and Even») сопоставляет две ситуации заимствования: 1) из монгольских языков в якутский и 2) из якутского в эвенский (ламунхинский говор). С точки зрения структурных предпосылок ситуации характеризуются автором как практически эквивалентные: в обоих случаях речь идет о паре агглютинативных, схожих по структуре языков. С социолингвистической точки зрения, напротив, ситуации разнятся (что подтверждается проведенными автором генетическими исследованиями): контакт якутов с монголами не был интенсивным, контакт эвенов с якутами — очень интенсивный, причем с жесткой системой «однонаправленных» браков. С этим Б. Пакендорф связывает разницу, наблюдаемую в области морфологических заимствований: в якутский из монгольских языков заимствуются практически исключительно деривационные показатели (что ожидаемо), в эвенский из якутского — словоизменительные, причем глагольные, что типологически наиболее редко.

В статье Ф. Микинз («From absolutely optional to only nominally ergative: The life cycle of Gurindji ergative suffix») показано, как на саму по себе очень нетривиальную ситуацию смешанного языка со значительной межпоколенческой разницей и непосредственным контактом с обоими языками-источниками накладывается необычная со структурной точки зрения ситуация интеграции эргативного суффикса языка гуринди в аккузативную систему языка криол (унаследованную из английского). Для криол-гуринди постулируется целый цикл диахронических сдвигов в функционировании эргативного суффикса: от дискурсивного маркера внутри аккузативной системы к факультативному эргативу (со сдвигом системы в сторону эргативной) и далее — с распространением на субъект непереходного глагола — опять к дискурсивному маркеру (со сдвигом в систему с немаркированным объектом и факультативно маркированным номинативом).

В статье Дж. Клэнси Клементса и А. Луиш («Contact intensity and the borrowing of bound morphology in Korlai Indo-Portuguese») описывается случай контакта структурно очень

далеких языков — языка маратхи с сильной фузией и индо-португальского креола дер-Корлаи с тенденцией к изолирующей стратегии. Несмотря на такие различия, индо-португальский креол в ходе языкового контакта формирует новый словоизменительный класс для заимствований из маратхи, оформленный тематическим гласным, реинтерпретированным из показателя императива в маратхи (не очень понятно, впрочем, имеет ли смысл относить такое заимствование к области словоизменения, а не деривации). Авторы связывают наблюдаемую ситуацию, в частности, с социолингвистическими факторами: очень интенсивным языковым контактом, внезапно возникшим в XX в. после нескольких веков изоляции.

Ф. Роз («Innovative complexity in the pronominal paradigm of Mojeño: A result of contact?») исследует прономинальную систему языка мохеньо, отличающуюся особенной сложностью и несходную с системами других аравакских языков: она включает, в частности, экзотическое противопоставление по полу говорящего. Если в предыдущих статьях мы имели дело с заимствованием, происходящим «на глазах», то здесь, наоборот, сам факт заимствования требует отдельного доказательства. Ф. Роз рассматривает целый ряд гипотез о возможном заимствовании разных прономинальных показателей из разных языков (испанского, соседних — родственных и неродственных — аборигенных языков), соотносит их со сложной социолингвистической ситуацией, наблюдаемой для мохеньо в разные периоды, и приходит к выводу о том, что ни одна из высказанных гипотез не может быть с уверенностью принята.

Особняком в третьем разделе сборника стоит статья Т. Штольца о влиянии языковых контактов на системы согласования в именной группе («Adjective-noun agreement in language contact: Loss, realignment and innovation»). Она отличается, во-первых, тем, что представляет собой не детальное описание частных случаев, как все остальные статьи третьего раздела, а, наоборот, типологический обзор самого общего характера. Во-вторых, отличен сам материал исследования: если прочие авторы рассматривают преимущественно заимствование формы (MAT-borrowing), то Т. Штольц — заимствование модели (PAT-borrowing). Это позволяет автору коснуться проблемы, которой не возникает при исследовании «заимствования формы»: как в каждом конкретном случае отличить контактно-обусловленное изменение системы (заимствование) от независимого ее развития по внутренним причинам. Случаи контактно-обусловленного изменения в системе согласования прилагательного с существительным Т. Штольц делит на три класса: а) утрата согласования, б) изменение системы согласования под влиянием системы, построенной на иных основаниях, и в) возникновение согласования в ходе языкового контакта. На каждый класс приводятся и разбираются по несколько конкретных примеров.

В статьях настоящего сборника упоминается, не становясь, тем не менее, предметом отдельного исследования, множество других интересных проблем разного масштаба, связанных с морфологическим заимствованием. Приведем примеры только из одной статьи Б. Пакендорф, рассматривающей, напомним, материал эвенского и якутского языков. Как отличить заимствование лексемы вместе с оформляющим ее морфологическим маркером от простого переключения кодов (в ситуации, когда все носители — билингвы)? Как интерпретировать копирование цепочки морфологических показателей (например, аспектуального суффикса в сочетании с лично-числовым) — как два независимых заимствования или заимствование всего комплекса морфем целиком? Как расценивать случай, когда в язык заимствуется некоторый морфологический показатель, употребляющийся, однако, не автономно, а в сочетании с синонимичным ему исконным?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Field 2002 — Field F. W. *Linguistic borrowing in bilingual context*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
 Matras 2009 — Matras J. *Language contact*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
 Sakel 2007 — Sakel J. Types of loan. Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras J. and Sakel J. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 15—29.
 Wohlgemuth 2008 — Wohlgemuth J. *A typology of verbal borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.